

Гилберт К.Честертон
**БЭЗИЛ
ХОУ**

История первой любви

НАШИ ПЕРСПЕКТИВЫ,
как они были определены членами
Клуба начинающих спорщиков

Рукопись, найденная в сундуке:
19-летний Честертон о любви,
дружбе и райском саду

Corpus

Гилберт Кийт Честертон Бэзил Хоу. Наши перспективы (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12487102

*Бэзил Хоу : роман / Гилберт Честертон; пер. с англ., Н. Эппле.: АСТ: CORPUS; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-087293-0*

Аннотация

Впервые в русском переводе два романа: обнаруженный после столетнего забвения юношеский роман Честертон "Бэзил Хоу" – о юморе на небесах, о дружбе на земле, о вечной вере в свои убеждения, а не в себя, о неуклюжей невинности, которая не дрогнет перед "зверской серьезностью". И роман-буриме, недописанный членами "Клуба начинающих спорщиков", основателем которого в школьные свои годы стал Честертон. Роман о будущем, в котором уже взрослые "спорщики" носятся по всем континентам, то и дело встречая и спасая друг друга. И этот плод дружеских трудов – узнаваемо Честертонский роман-возвращение.

Содержание

Романтический герой возвращается домой	5
Гилберт Кийт Честертон и его первый роман	5
Рукопись, найденная в сундуке	8
Клуб начинающих спорщиков	10
Девушка с рыжими волосами	12
Последний взрослый роман	14
Книга первая	16
Глава 1	16
Глава 2	19
Глава 3	21
Глава 4	24
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Гилберт Честертон Бэзил Хоу

Перевод с английского и предисловие Николая Эппле

This edition published by arrangement with A P Watt at United Agents LLP and The Van Lear Agency LLC

В книге использованы рисунки Г. К. Честертона

© by 2000 by The Royal Literary Fund

A handwritten signature in black ink, reading "G.K. Chesterton". The signature is stylized, with a large, circular initial "G" and a long horizontal line extending from the end of the name.

Романтический герой возвращается домой

Гилберт Кийт Честертон и его первый роман

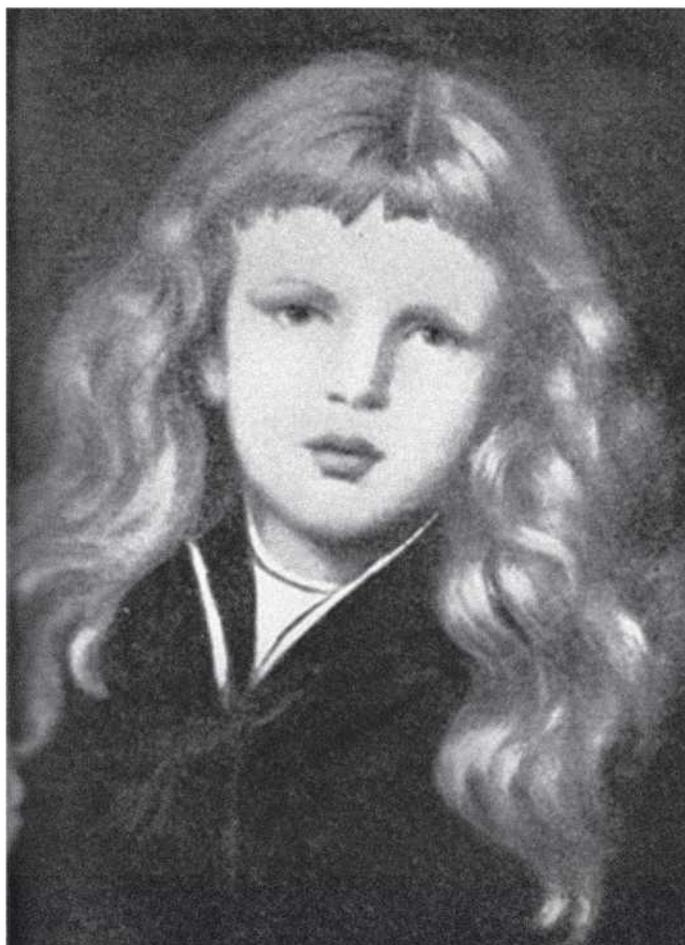
Гилберт Кийт Честертон – один из самых необычных писателей. Сейчас, особенно в Америке, где три года назад вышел 37-й, последний на сегодняшний день том полного собрания его сочинений, его все больше называют самым недооцененным. Его наследие с трудом укладывается в привычные рамки и определения. Прежде всего потому, что написал он невероятно много и в самых разнообразных жанрах. Наиболее узнаваемым его персонажем считается отец Браун – герой ставших классическими детективных рассказов. Сам Честертон, хотя и был много лет председателем детективного клуба и вместе с Агатой Кристи, Доротой Сэйерс и Рональдом Ноксом разрабатывал канон детективного жанра, считал эти рассказы далеко не самым главным из написанного. Его бесчисленные газетные эссе – кто-то подсчитал, что их почти 7000! – составляют особый жанр английской литературы. Его религиозно-философские трактаты “Ортодоксия” и “Вечный Человек” стали классикой христианской апологетики XX века. Его стихи, почти неизвестные в России, оригинальны и крайне интересны – особенно ни на что не похожие поэмы “О белом коне”, “О святой Варваре” и “Лепанто”. Еще одна важная часть наследия Честертон – его биографии. Биография Диккенса считается лучшей, книга о Фоме Аквинском во многом реабилитировала в глазах современников средневековую схоластику, а о Франциске Ассизском способствовала новому взгляду на католичество в целом. В сонете, написанном на смерть Честертон его товарищем по детективному клубу, священником Рональдом Ноксом, перечислены герои его биографий. Этот сонет лучше всего прочего говорит о методе Честертон-исследователя. Отсутствие дистанции между автором и предметом исследования, которую многие считают столь необходимой, – самая яркая и самая привлекательная для одних и отталкивающая для других черта честертоновского метода:

“Со мной он плакал”, – Браунинг сказал,
“Со мной смеялся”, – Диккенс подхватил,
“Со мною, – Блейк заметил, – он играл”,
“Со мной, – признался Чосер, – пиво пил”,
“Со мной, – воскликнул Коббет, – бунтовал”,
“Со мною, – Стивенсон проговорил, – Он в сердце
человеческом читал”,
“Со мною, – молвил Джонсон, – суд вершил”.
А он, едва явившийся с земли,
У врат небесных терпеливо ждал,
Как ожидает истина сама,
Пока мудрейших двое не пришли.
“Он бедных возлюбил”, – Франциск сказал,
“Он правде послужил”, – сказал Фома¹.

Но самый “концентрированный” Честертон – это романы, которых на фоне такой плодовитости немного – всего шесть. Парадоксальность, экстравагантность, неожиданность

¹ Перевод А. Якобсона.

ходов – все это расцветает в романах буйным цветом. В “Наполеоне Ноттингхилльском” Лондон, разделенный по воле чудака правителя на города-общины, погружается в междоусобные войны, возрождающие давно забытые рыцарские добродетели. В “Человеке, который был Четвергом” заговор террористов-подпольщиков оборачивается чуть ли не тайной творения. “Шар и крест” – повесть о непримиримых противниках, которых равнодушие к истине среди торжествующего безразличия делает лучшими друзьями, а “Жив-человек” – история возвращения домой как авантюрного предприятия, сулящего многие опасности. В “Перелетном кабаке” рассказывается о прекрасной воине, которой чревата унылая повседневная жизнь, а героя “Возвращения Дон Кихота”, незаметного библиотекаря, величие духа превращает в короля и воина. Романов, как выяснилось, не шесть, а семь, но подробнее об этом чуть позже.

Г. К. Честертон в возрасте 5 лет

Главной особенностью Честертонна называют удивительное, только ему свойственное умение соединять парадоксальность со здравомыслием, напоминать, что истина, добро и красота, которые каждый из нас встречает в повседневной жизни, – требуют битвы за них, ежеминутного крестового похода, который, правда, может выразиться в лежании в постели, пении хором или погоне за унесенной ветром шляпой.

Самый известный честертоновский образ – силуэт белого коня на меловых холмах английского Йоркшира из одноименной баллады. Чтобы белый конь мог остаться самим собой, десятки поколений должны были бдительно отчищать поверхность холма от травы, не давая рисунку исчезнуть, – чтобы удержаться на одном и том же уровне добродетели, нужно все время двигаться вперед. Веселая и непримиримая битва с миром.

Его всегда было принято ругать за легковесность, болтливость и пристрастность, а его исследования упрекать в недостаточной верности фактам. Сам Честертон охотно соглашался с этими обвинениями, говоря, что считает себя скорее журналистом, чем писателем. Ему ставили в вину морализаторство и партийность, а когда в 48 лет он вдруг обратился в католичество и стал писать книги в защиту Церкви, – натужный догматизм и идеологизированность. Однако время идет, и выясняется, что легковесные и нестрогие биографии этого “журналиста” переживают множество стремительно устаревающих увесистых ученых исследований, а его партийность и морализаторство оказываются глотком воды живой для нашего времени, мечущегося между крайностями релятивизма и догматизма, несерьезного отношения к своим идеям и серьезного отношения к себе.

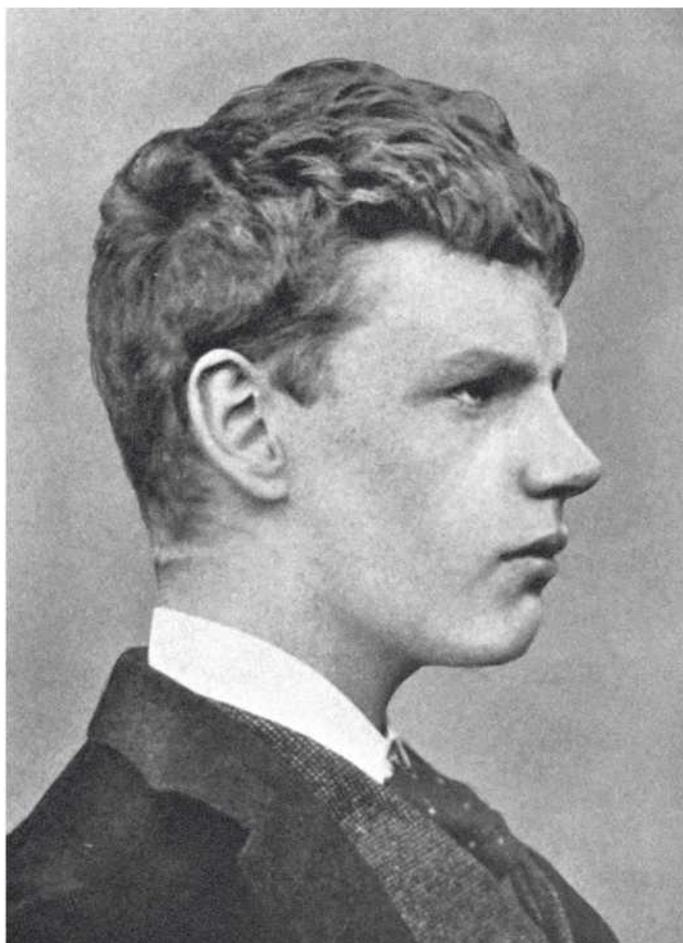
В эпоху, крайне настороженно относившуюся к религии, он становится примером верующего, христианина, воина веры. Нелепый, детский, несерьезный, предпочитающий быть предметом насмешек, а не почитания, но при этом горячий полемист и пламенный проповедник, он оказывается самым убедительным образцом верующего интеллектуала. Важнейшее свидетельство, которое можно вычитать из его книг, – о том, что христианство не набор тезисов, никак не идеология, а образ жизни и соединение несоединимого. В год его смерти Папа Римский Пий XI назвал его “защитником веры”, а два года назад Папа Франциск объявил о начале процесса его канонизации.

Честертон в России – сюжет совершенно особый и весьма примечательный. Его начали с увлечением читать и переводить еще в 1920-е годы, видя в его парадоксах и фантастике не столько свободу, сколько лихое отрицание догм. К числу его поклонников относились такие разные люди, как Корней Чуковский, Анатолий Луначарский, Сергей Эйзенштейн. В пору безвременья 1930-1950-х он пропал из виду, слишком был свеж и свободен, и появился снова уже в самиздате 1960-х, в основном трудами Натальи Трауберг – не только переводчица, но таинственным образом и свидетеля и апологета райской Англии Честертона, Вудхауза, Льюиса, Дороти Сэйерс и многих других. За это внутреннее родство в Англии ее даже называли “мадам Честертон”. Стоит найти и прочитать ее многочисленные статьи о Честертоне (в том числе о его восприятии в России), особенно же интересна в связи с содержанием этого нашего издания маленькая, небольшого тиража книжка “Неожиданный Честертон”; в ней в числе прочего есть переводы ранних прозаических фрагментов, написанных примерно тогда же, когда “Бэзил Хоу”.

Рукопись, найденная в сундуке

До конца XX века считалось, что первый роман Честертон – “Наполеон Ноттингхилльский”, написанный, по преданию, для заработка, когда чете Честертоних совсем нечего было есть. Однако в 1989 году вдруг выяснилось, что романов не шесть, а семь, и первый из них был написан за десять лет до “Наполеона” двадцатилетним Честертоном. Его история, история книги, которую держит в руках читатель, началась, как и положено необыкновенным историям, с рукописи, найденной в сундуке.

Дороти Коллинз, секретарь Честертоних с 1926 года до его смерти в 1936-м, а затем хранительница его архива, умерла в 1989 году, и архив приобрела Британская библиотека. (Примечательная деталь, характерная для отношений Честертоних с его оппонентами и для британской культуры спора вообще: сумму в 200 тысяч фунтов перечислил за архив фонд Бернарда Шоу, одного из наиболее горячих оппонентов Честертоних.) Тогда-то при подготовке бумаг к транспортировке был найден сундук, в котором, как считалось, хранились старые профессорские мантии. Но, к удивлению исследователей, под пыльными мантиями обнаружались почти две сотни записных книжек, старых школьных учебников и разрозненных бумаг. По-видимому, эти бумаги были вывезены из родительского дома Честертоних после смерти его матери.

Г. К. Честертон в возрасте 17 лет.

Судя по записям Дороти Коллинз, она пыталась классифицировать содержимое сундука, но смерть Честертоних и последовавшая затем война – дом мисс Коллинз был пре-

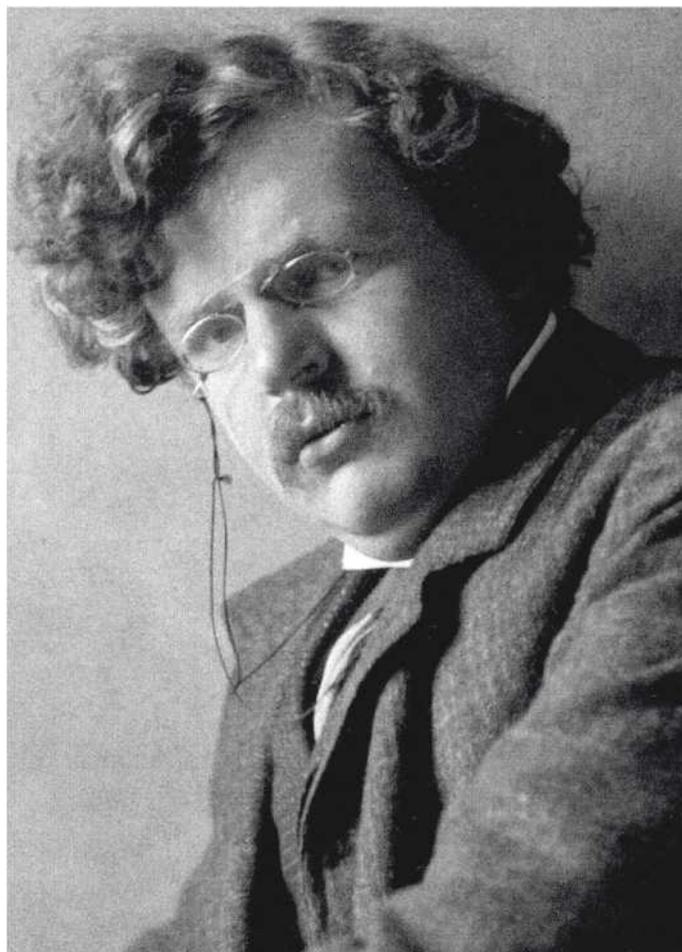
вращен в госпиталь, а сама она водила санитарную машину – не дали довести эту работу до конца, и часть бумаг осталась неразобранной. Усложнило классификацию еще и то, что Дороти Коллинз или Франсис Честертон, вдова писателя, пытаясь составить указатель, сложили титульные страницы в одну папку, отделив их от рукописей. После смерти Коллинз многие страницы так и не удалось сопоставить – зато кое-что, напротив, было открыто впервые. Несколько записных книжек, содержание которых Коллинз, не слишком в них вчитываясь, сочла отдельными фрагментами – в списке они обозначены как “Валентин Амьен” и “История трех малюток”, – вместе составили не просто законченный роман, но первый известный нам роман Гилберта Честертона.

Первая из записных книжек, в которых уместилось это произведение, исписана уверенным почерком молодого Честертон, а вторая – бойким курсивом, который он усвоил, посещая занятия по изобразительному искусству сначала в лондонском Университетском колледже, а затем в художественной школе Слэйда, где учился на книжного иллюстратора с 1893 по 1895 год. Отсюда можно с достаточной точностью заключить, что роман, условно названный издателями “Бэзил Хоу”, был написан в конце 1893 или начале 1894 года, то есть автору было девятнадцать или двадцать лет.

Клуб начинающих спорщиков

Как часто бывает с юношеской пробой пера – это рассказ про первую любовь, и рассказ автобиографический. Это подтверждает другое сохранившееся в архиве сочинение под названием “Наши перспективы” – его перевод читатель также найдет в этом издании. Это рассказ о приключениях членов Клуба начинающих спорщиков (*Junior Debating Club*), организованного юным Честертоном при школе Св. Павла – одной из лучших частных школ Лондона, где писатель учился до поступления в колледж. Формально клуб закончил свое существование, когда друзья покинули стены школы, но они обязательно устраивали раз в год клубный обед. Среди членов клуба были Люсьен Олдершоу, братья Дигби и Вальдо д’Авигдор, братья Лоуренс и Морис Соломон, Эдвард Фордем, Фредерик Солтер, Роберт Вернед, Бернард Лэнгдон-Дэвис, Хуберт Сэмс и Эдмунд Клерихью Бентли. Особенно горячая дружба связывала Честертона с Бентли и Олдершоу.

“Наши перспективы”, в отличие от романа о Бэзиле Хоу, датированы: на рукописи стоит пометка “16 июня 1894 года”. Это своего рода роман-буриме: каждый участник должен был написать по главе, отталкиваясь от написанного предшественником и рассказывая о предполагаемом (несомненно, славном) будущем членов клуба. Честертон исполнял роль главного редактора и “художественного руководителя”, перебеливая написанное другими, снабжая текст иллюстрациями и передавая следующему участнику. Таким образом было написано семь глав, после чего рукопись застряла у одного из авторов и вернулась к Честертому лишь много лет спустя.

Г. К. Честертон – молодой писатель.

Для читателя “Бэзила Хоу” “Наши перспективы” важны тем, что описывают знакомство, любовь и брак почтенного председателя Клуба Гилберта Честертона и рыжеволосой кузины Бентли по имени Гертруда Грэй. Повествование изобилует фантастическими сценами и абсурдными ситуациями, и его, разумеется, нельзя воспринимать всерьез, но оно показывает, что члены Клуба прекрасно знали Гертруду Грэй и ничуть не сомневались, что она непременно выйдет замуж за робкого и худого молодого человека, каким в те годы был Честертон. (Бентли пишет: “Г.К.Ч., когда я его впервые увидел, был необычайно высоким, долговязым мальчиком, с серьезным, даже угрюмым выражением лица, которое очень легко сменялось веселым и счастливым”.) Иными словами, все друзья несомненно читали “Бэзила Хоу” и узнавали в главном герое своего бессменного председателя.

Девушка с рыжими волосами

В большинстве ранних сочинений Честертон персонажи списаны с его знакомых, и во многих, помимо товарищей по Клубу, фигурируют три сестры, несколько раз названные сестрами Вивиан, жившие в Уоррик-гарденз, в Кенсингтоне. Вот как описывает их Честертон в дневниковой записи самого начала 1890-х годов:

Я никогда не мог и даже не пытался признаться себе, которая из трех нравилась мне больше. Но если строгая практичность и хозяйственность старшей, спокойные и изящные цвета ее нарядов, ее широкий и смелый лоб, чья бледность могла соперничать с белизной роз в их саду, если эти почтенные качества Нины вызывали у меня большее уважение, нежели легкомысленность остальных, боюсь, они все же не мешали мне испытывать не меньшую симпатию к ленивому остроумию и неподражаемому чувству юмора Иды, второй сестры и первого книгочея этой семьи; или к Вайолет, поистине восхитительному существу, чей нрав был столь же необузданным и эксцентричным, как буря ее рыжих волос.

Описание трех сестер Грэй, которое два года спустя Честертон помещает в романе, поразительно напоминает эту зарисовку. Также стоит заметить, что описываемая в первой главе встреча происходит, судя по всему, в Лайм-Реджисе, на курорте, который Честертон любил и куда ездил всю свою жизнь.

Несмотря на то что девушка с рыжими волосами продолжала жить на страницах его произведений, Честертон никогда не рассказывал о ее прообразе. Не рассказывала о поре, предшествовавшей их встрече, и Франсис, а после ее смерти найти какие-либо свидетельства о сестрах Вивиан уже не представлялось возможным. Их забвению способствовало то, что колоритный образ трех сестер из живописного лондонского предместья оказался “замещен” сестрами Блогг, которые обрели литературное бессмертие на страницах романа “Человек, который был Четвергом”. И только рыжеволосая девушка нет-нет да появляется в книгах Честертон и после встречи с Франсис (впрочем, писатель предпринимал попытки сделать ее шатенкой, как Франсис, но получалось это не всегда). Сама Франсис, а они с Честертон познакомились в 1896 году, не любила рассказывать о себе и, тем более, о прошлом Честертон до встречи с ней. Дороти Коллинз всю жизнь была свято уверена, что в образе художавого молодого человека Честертон изображал Бентли, а не себя, – неудивительно, если учесть, что она всегда знала Честертон, располневшего после свадьбы, человеком-горой, тогда как Бентли сохранил свой худощавый облик на всю жизнь.

Единственная зацепка – любовное стихотворение Честертон 1890-х годов, столь проникновенное и трагическое, что оно, по-видимому, проливает свет на печальную развязку этой любовной истории. Судя по всему, общение с семейством Вивиан было прервано естественными причинами: в условиях викторианской Англии молодой человек, не имеющий стабильного источника дохода, не мог предложить девушке руку, а стало быть, и настаивать на сохранении отношений.

Написанные в эти же годы сочинения позволяют определить, что прообразом Валентина Амьена послужил Роберт Вернед, погибший на фронте Первой мировой и воспетый Честертон в образе поэта-рыцаря.

“Бэзил Хоу” важен и интересен тем, что все другие известные нам сочинения Честертон написаны счастливым семьянином, тогда как часть жизни до брака с Франсис была надежно скрыта от анализа, напоминая о себе лишь проходящим через наследие Честертон образом девушки с рыжими волосами, роднящим его с кельтской традицией, с магией и

феями. Чем удивляться, различая в сухом и ястребиноликом Бэзиле человека-гору Честертона, стоило бы скорее припомнить шутку, что в каждом толстом человеке скрывается тонкий, отчаянно стремящийся вырваться наружу.

Последний взрослый роман

Стремление к отрезвляющим парадоксам, умение поставить все с ног на голову, чтобы ярче высветить должное положение вещей, видно уже в этом романе – прежде всего в последней сцене, где любовь как родство душ предстает чем-то крайне парадоксальным в сравнении с “обычной” любовью с первого взгляда и именно в этой парадоксальности обретает ценность. Те же, кто читал “Жив-человек”, узнают в пронзительной, почти сказочной сцене из последней главы, когда промокшего и неприкаянного Бэзила приглашают в тепло дома, к камину, в единственно интересующее его общество, возвращение домой Инносента Смита из романа “Жив-человек”, превратившееся в отчаянную и рискованную авантюру.

Г. К. Честертон – классик английской литературы.

Если попытаться выбрать наиболее существенное качество Честертон как писателя и мыслителя, скорее всего, окажется, что качество это – смирение, отсутствие гордыни. Не случайно именно об опасности гордыни он говорит в эссе “Если бы мне дали прочитать одну проповедь”. Такое смирение было в нем самом, в его тщательно создаваемом образе нелепого и эксцентричного чудака, к которому никак не получается отнестись серьезно. Есть оно и в его книгах, герои которых – странные, так и не повзрослевшие дети вроде отца Брауна, лавочника Адама Уэйна или библиотекаря Майкла Херна, деревенщины Эвана Макиэна, просто чудака Инносента Смита, неизменно торжествующие над гордым и серьезным взрослым миром. Впрочем, часто, как в “Возвращении Дон Кихота”, это торжество пораже-

ния. И даже если кое-кто из них вроде детектива Сайма или капитана Дэлроя тянет на героя в привычном смысле слова, они слишком фантазмагоричны, чтобы отнестись к ним серьезно. С этим тесно связано и кредо Честертона: «Быть серьезным в отношении к своим убеждениям и несерьезным в отношении к себе» – эхо этой мысли есть и в романе о Бэзиле Хоу. Это качество как будто всегда сопутствует Честертону и его героям, но особенность его первого романа в том, что он дает нам увидеть: чудаковатость и несерьезность по отношению к себе не есть нечто само собой разумеющееся, врожденное и полученное безо всяких усилий.

В одном из эссе, рассказывая о молодости Честертона, Наталья Трауберг замечает, что свадебная фотография 1901 года «последняя, где можно еще надеяться, что у него будет взрослая внешность». То же самое можно, перефразируя, сказать о романе «Бэзил Хоу»: это последний опыт Честертона, который позволял надеяться, что из него мог бы получиться «нормальный» викторианский или поствикторианский романист. Бэзил Хоу тоже чудак, он не обращает внимания на условности и сыплет странными остротами, но мы видим, что эти чудачества – маска, скрывающая внутреннюю драму романтического героя. Мы не знаем, что творилось в душе у автора, когда он создавал Бэзила, и что случилось позже, после разрыва с девушкой с рыжими волосами, да и не наше это дело. Но имея возможность сравнить двух Честертонов, мы видим, что мир Честертона зрелого – другой, торжествующе чудаковатый, и смирение его героев больше не надрывно, а радостно и, на удивление, цельно. Юношеский роман Честертона позволяет увидеть, что эта цельность и это смирение сродни жизни семени, которое не может прорасти, если не умрет.

Н. Энгле

Книга первая

Глава 1 Зритель и драма

Длинный, загорелый и очень худой молодой человек, даже слишком молодой для черного фрака и импозантного цилиндра, которые он носил, впрочем, безо всякого щегольства, стоял, перегнувшись через серый каменный парапет набережной, над всклокоченным уголком Немецкого моря². Взгляд его, однако же, был устремлен не на шумевшие внизу буруны, а на сменявшие друг друга, то накатывавшие, то отступавшие, пестрые и веселые людские волны. Мечтательная сосредоточенность, с какой он созерцал их, выдавала в нем меланхоличную натуру. Наконец, его внимание привлекла сцена, которая и послужит прологом к нашему рассказу. И вот что он увидел. На желтом песке широкого прибрежного склона сидели, а точнее полулежали, две очень живые девушки в белых летних платьях и с правильными чертами – явно англичанки. Их открытые обаятельные лица свидетельствовали о благополучии, прямодушии и благородном воспитании.

Та, что постарше – ее лицо было бледнее, а брови и подбородок прочерчены резче, – рассуждала о чем-то серьезным и деловым тоном с примесью раздражения, а ее визави лишь изредка вставляла слово. Всякий, кто знаком с особой манерой общения, отличающей членов большой семьи, мог бы по одним интонациям собеседниц догадаться, что они обсуждают не что иное, как собственную младшую сестру. Их ничуть не смущало, что невольная (или, напротив, вполне сознательная) причина их недовольства, гибкая длинноногая девушка лет четырнадцати с буйной копной огненно-рыжих волос, раздуваемых морским ветром, стояла здесь же, в трех футах от них. В ее чертах, таких же открытых, как у сестер, сквозила дерзкая непокорность, а в слегка надутых губах читалось едва заметное высокомерие.

² Распространенное до начала XIX века название Северного моря. (Здесь и далее примечания переводчика.)

– Мне кажется, Маргарет, – говорила старшая из девушек своей соседке, которая сидела, уткнувшись в книгу, – ты могла бы сказать хоть пару слов, ты ведь видишь, я прямо выбиваюсь из сил.

Маргарет с ленивым восхищением посмотрела на сестру.

– Конечно, вижу, милая, – сказала она миролюбиво. – Но что толку спрашивать меня? Я полностью согласна с тобой насчет Гертруды. Мне совсем не нравится, как она себя ведет: то бесится до слез, то смеется до истерики. Это неразумно. Мне не нравится ее жеманство, надменность, а эта ее подруга Сесиль Флери – просто дурочка. Но если даже ты не можешь ее образумить, что уж говорить обо мне. Ты прямо создана для того, чтобы управляться с людьми и хлопотать о других ради их блага. А я создана, чтобы читать эту книжку, по крайней мере, ближайшее время я посвящу именно этому. Будь добра, дорогая, оставь меня в покое.

И она вновь погрузилась в чтение. Старшая сестра снова заговорила, причем так назидательно, точно читала лекцию:

– Видишь ли, дело не только в том, что она ведет себя как ей заблагорассудится и путается с этой Сесиль – безусловно, крайне неприятной девицей.

С ней вообще не стоило бы заводить знакомства. Всеу этому непременно нужно положить конец и как можно скорее. Но ее дикие выходки так внезапны и так ужасны, что мне иногда кажется, она в конце концов действительно сойдет с ума. Доходило до того, я видела это собственными глазами, что она с безумными криками каталась по полу своей комнаты. Многие соседи уже боятся ее, но меня она своими штучками не напугает. Вопрос лишь в том... Нет, ты только посмотри!.. Гертруда! Гертруда, слезай отсюда немедленно!

Решительная старшая сестра, вскочив на ноги, в крайнем волнении взывала к строптивой младшей, которая, к ее ужасу, вскарабкалась на сложенный из огромных камней уступ волнореза и, пританцовывая, прогуливалась там, где прибой захлестывал его основание. Над нею возвышалась гладкая стена, а под ногами пенились гребни волн, но дерзкая девушка подошла к оконечности уступа, нависшего над бурлящей внизу водой. При всей отчаянной отваге ей было уже не по себе, но в ту минуту, когда она решила двинуться назад, она услышала голос сестры, которая властно требовала вернуться. В ответ Гертруда разразилась яростным, почти демоническим смехом и ринулась вперед, усугубляя свое и без того опасное положение.

– На тебя все смотрят! – причитала Кэтрин, умело напирая на самолюбие сестры. Ответ эквилибристки заглушила нахлынувшая волна, однако едва ли стоило сомневаться, что он не отличался особенной любезностью. Дойдя до самого края омываемого волнами и заросшего водорослями уступа, сумасбродка словно бы невзначай обернулась к сестре и состроила гримасу. В этот момент она поняла, что начавшийся прилив отрезал ей путь к отступлению. Сестра снова и снова обращала к ней все более отчаянные, но от этого не менее разнообразные и убедительные призывы.

В груди у Гертруды страх боролся с высокомерием, когда она услышала, как спокойный голос у нее над головой произнес, словно сожалая о собственной навязчивости:

– Прошу меня простить, но если вы не склонны топиться, – что делать, все мы суеверны, – я бы советовал вам забраться наверх.

Эта несколько загадочная фраза была произнесена крайне меланхоличным тоном, скрывшим на мгновение ее замысловатый комизм, и Гертруда, скользнув взглядом вдоль отвесного склона стены, увидела прямо над собой смуглое ястребиное лицо и перевесившись через парапет черные локти уже описанного нами молодого человека. Несмотря на свое замешательство, она в ответ рассмеялась и спросила, как он себе это представляет.

– О, – все так же угрюмо ответил он, – мы могли бы назначить встречу на полпути. Я, со своей стороны, обещаю быть.

С этими словами мрачный и чопорный молодой человек молниеносным движением ловко перекинул длинные ноги через парапет и буквально повис в воздухе, одной рукой ухватившись за край ограждения, а носком ноги нащупав невидимую точку опоры.

– Вы позволите пригласить вас на танец? – проговорил он, протягивая ей свободную руку.

Гертруда, давась от смеха, вцепилась в нее, и вдруг он резко поднял девушку и водрузил, целую и невредимую, на наводненную людьми набережную. Заняв свое прежнее место, он отпустил какой-то невнятный эксцентрический комментарий и вот уже снова стал неотличим от других гуляющих, являя собой образец сухой и предупредительной респектабельности.

Но тут перед ним оказались две старшие сестры, и он, слегка приподняв шляпу, робко попятился. Если бы Гертруда решила (впрочем, это маловероятно), что, принимая помощь незнакомца, она вела себя непозволительно и поставила под удар репутацию сестер, она бы ошиблась. У них не мелькнуло подобной мысли: они были исполнены искренней симпатии и благодарности, потому что были разумны и бесхитростны, как и подобает детям. Ибо они во многом оставались сущими детьми, хотя обеим уже минуло семнадцать. Таково одно из достоинств, а может быть, недостатков, хорошего воспитания.

– Мы должны поблагодарить вас за помощь Гертруде, – с чувством проговорила Кэтрин. – Это было так любезно с вашей стороны.

– Ах... Я вообще очень хороший и добрый человек, – печально ответил незнакомец. – Паства же моя не знает меня. Но близится время обеда, и надлежит мне быть дома к чаю. Гринкрофт-сквер к этому часу могла забрести уже довольно далеко.

Первая сестра быстро взглянула на него, вдруг перестав смеяться над его парадоксами.

– Как, вы знаете Гринкрофт-сквер? – спросила она.

– Мы более-менее знакомы, – невозмутимо ответил он. – Насколько я понимаю, некогда там останавливался кое-кто из моей родни. Собственно говоря, тот, кто долгое время занимал положение моего отца. Эту должность я опытным путем нашел совершенно необходимой для моего существования. Она вакантна вот уже несколько лет. Теперь я выполняю все обязанности самостоятельно, за исключением разве что прерогатив кухни, каковую я однажды случайно повстречал на лестнице. Именно ей, если не ошибаюсь, теперь принадлежит дом.

Маргарет, все еще смеясь и не скрывая удивления, внимательно всматривалась в смуглые, странно привлекательные черты незнакомца, и наконец спросила, на какой стороне площади он живет.

– На внутренней, – устало отвечивал он. – Имя же моей кухни, как мне удалось выведать у нее на условиях конфиденциальности, Флери.

– Флери! – тотчас же воскликнула Гертруда, вспыхнув от удовольствия. – Так значит, вы знакомы с Сесиль!

Кэтрин, хоть и была слишком хорошо воспитана, чтобы выговаривать своей сестре на людях, невольно вздрогнула и слегка прикусила губу при упоминании имени ее несносной подруги, которая и в самом деле была взбалмошной и капризной кривлякой. Гертруда взглянула на сестру, и в ее глазах вспыхнул озорной огонек.

– Я так рада, что мы повстречали кузена Сесиль. Мы с ней подруги. Да, дорогие, будьте уверены: завтра я непременно с ней увижусь. Мы живем в соседнем доме. – И высоко вскинув голову, так что ее огненные локоны рассыпались по плечам, она зашагала домой, а за ней с ворчанием поспешили сестры.

Глава 2

История трех малюток

Семейство Грэй, с тремя представительницами которого читатель имел удовольствие познакомиться в предыдущей главе, было превосходно воспитанным семейством. Они были именно хорошо воспитаны, а не просто упитаны, испытаны и уж точно не пропитаны насквозь новейшими тлетворными веяниями, в отличие от образованной на современный лад молодежи, лишь шапочно знакомой со своими родителями. Хорошее воспитание – нечто прямо противоположное привычной строгости. Если послушать кого-нибудь из тех экзотически суровых отцов семейств, которые встречаются еще время от времени, придется с большой вероятностью заключить, что они безразличны к своим детям, зато всегда не прочь заложить за воротник. Действительно хорошее воспитание состоит в том, чтобы дети естественно и непринужденно принимали разумные правила и установленные обычаи, так что в чистом и честном детстве закладываются основы доброго нрава. В девяти случаях из десяти эта система, или скорее атмосфера практического добронравия, действует безукоризненно. Но встречается меньшинство, люди особого склада, в отношении которых она бессильна и которым требуется нечто большее. В известном смысле этому и будет посвящена наша книга.

Принято считать, что автор обыкновенно ведет повествование словно бы изнутри одного из героев, но извне по отношению ко всем остальным. Он взирает на происходящее глазами того или иного действующего лица, тогда как других персонажей, быть может, куда более важных, выстраивает, как наблюдатель, на основании внешних данных. Высокий и вечно подавленный молодой человек, выступавший сначала наблюдателем, а затем участником сцены, которую мы сочли показательной для отношений между сестрами, при всей своей проницательности, смог бы куда лучше понять происходящее, будь у него возможность хоть немного узнать их историю и заглянуть в их детство. Наш герой, однако же, был лишен этого преимущества, коим в полной мере может наслаждаться читатель, ибо в те дни он, странный, беспокойный, задумчивый и щуплый ученик частной школы, находился далеко от семейства Грэй. Эту семью, которой суждено было оказать столь существенное влияние на его жизнь, он повстречал, когда характеры ее членов уже в известной степени сформировались.

Те недалекие и, решимся предположить, наверняка неженатые философы, что называют младенцев “чистым листом”, отказывая им в данных от рождения свойствах ума и характера, наткнулись бы на шесть суровых возражений в виде трех пар устремленных на них глаз невинных малюток, сидящих рядком у стены детской. Кэтрин, старшая из них, была тогда пятилетним карапузом, пухлым, смуглым и смахивающим на японца. В ее лице не было еще той бледности, что позднее появится от неустанных домашних забот и бурной общественной деятельности с утра до ночи. С ранних лет серьезная и рассудительная, всегда в аккуратненьком платьице и с безукоризненно уложенными волосами, она держалась с важностью маленькой домоправительницы. В играх и забавах детской она всегда верховодила и распоряжалась, часто к неудовольствию подруг. При этом Кэтрин, вне всякого сомнения, была наделена сильным характером и, топая маленькой ножкой или внезапно сжимая кулачки, ясно давала понять, что добьется своего. Но, при всей горячности нрава, она была исключительно доброй девочкой, бесстрашной, честной и умеющей забывать о себе – свойство крайне ценное в большой семье. В то время, к которому относится наше повествование, об этих качествах можно было судить лишь по косвенным признакам, но все они, в сочетании с задумчивостью – не сонной, но деловитой, – отчетливо читались во взгляде ее круглых, темных, чуть прищуренных глаз.

Второй ребенок, Маргарет, была всего на год младше своей сестры. Еще круглее, чем та, с пронзительными голубыми глазами, она одаривала собеседника улыбкой, свидетельствующей о высочайшем, почти нездешнем блаженстве, достойном достигшего нирваны буддиста. Эта улыбка не покидала ее губ ни при каких обстоятельствах, и никто не в силах был обнаружить источник ее невозмутимого довольства. Она была невероятно добродушна и имела обыкновение после долгого мечтательного молчания отпускать уморительные и при этом совершенно невинные замечания. Это все, что нам пока о ней известно.

Природа, начисто лишившая Маргарет пылкости и самолюбия, отличавших ее старшую сестру, казалось, решила отыграться, соорудив характер третьей девочки исключительно из вышеназванного материала. Надо полагать, первые год или два своего существования она большую часть времени пронзительно орала, и у гостей складывалось впечатление, что она так и была создана с широко открытым ртом и легионом бесов внутри. Но, поскольку старшие сестры переболели тем же, хоть и в смягченной форме, взрослые вели себя с ребенком спокойно и внимательно, и первые шумные годы благополучно остались в прошлом, не сказавшись на здоровье и характере девочки. Вскоре, однако же, обнаружилось, что она была настоящей фурией. Ее неистовство принимало самые непредсказуемые формы, столь же необузданные, сколь и своеобразные. Одно время она вела себя совсем как дикая кошка, готовая наброситься на всякого, кто ненароком задевал ее, – визжала, царапалась и кусалась, словно защищая свою жизнь. И хотя этот бурный период также вскоре миновал, он не прошел бесследно, о чем временами напоминал взгляд, нет-нет да и вспыхивавший колючим огнем. Ее огромные глаза даже в детстве были совершенно необыкновенными. Не лазурно-голубые, как у Маргарет, и не глубокие темно-синие, как у Кэтрин, но серо-зеленые, они то заволакивались серо-голубым туманом, то сверкали бешеными бледно-зелеными искрами, отражая тысячами оттенков стремительные перемены настроения своей обладательницы. В какой-то момент ею вдруг овладела неумная страсть к проказам – особенно она любила запира́ть двери и прятать ключи; но и это со временем прошло. Затем она приобрела безумную привычку убегать и теряться. Четырежды отправлялись ее искать и находили в одном случае на улицах Лондона, в трех других – за городом, на голых и безлюдных холмах, излюбленном месте ее игр. Сестры, на которых, ввиду литературных занятий их матушки, лежала большая часть забот по дому, тщетно пытались ее урезонить. В ней, казалось, не было ни капельки рассудительности, ни малейшей тяги к порядку или представления о долге, к которым они могли бы воззвать. К тринадцати годам Гертруда превратилась в безрассудного и насмешливого сорванца с огненно-рыжими волосами и пронзительным голосом. Как раз в это время она вступила в четвертую фазу своего развития, в некотором смысле наиболее зловещую. Она стала молчаливой, мрачной и безразличной ко всему. Весь последний год она беспрестанно хандрила.

Проницательные родственники были не на шутку напуганы этой переменой и гадали, чем обернется столь опасный затвор для столь несдержанной натуры. Именно в эту пору нелюдимо брожения соков, недоброе для любого ребенка время, ее стали замечать в обществе француженки Сесиль Флери, красивой и глупой девочки, чье присутствие, факт, как могло бы показаться, незначительный, знаменовало важную и страшную перемену. Никто не знал, как именно это произошло: повесть о том мизантропическом молчании никогда не была рассказана, но в одночасье Гертруда Грэй распрощалась с эдемом безмятежного детства, с его непринужденным довольством и милосердной строгостью, и сделалась обычным глупым подростком. Она вкусила заветного яблока и стала, как Сесиль, ибо познала добро и зло.

Духовное родство могло бы и это обратить во благо, но такое родство не передается с хорошим воспитанием, даже в самых лучших его проявлениях.

Глава 3

Героев наконец представляют друг другу

По огромной, нарядной и пыльной гостиной дома Флери на Гринкрофт-сквер, типичного жилища увядшей аристократической семьи, брели две девушки, заключив друг друга в те нелепые объятия, что свойственны ранней девичьей дружбе, и огненный ореол волос Гертруды пылал рядом с длинными черными локонами ее подруги Сесиль. Трудно сказать, почему они выбрали именно такую манеру общения; они все время держались вместе, судача о всем на свете, но Гертруда не любила свою подругу, если понимать под этим сколько-нибудь серьезные переживания, а Сесиль вела себя с нею скорее надменно и в то же время несколько ее побаивалась. Мы не станем злоупотреблять расположением читателя, пересказывая все то, что щебетала мисс Флери; да и сама Гертруда улавливала из ее речи лишь отдельные фразы. У нее было обыкновение впадать во внезапную задумчивость, почти транс, и слышать лишь обрывки обращенных к ней речей. На этот раз Сесиль говорила о джентльмене, друге ее брата, который мало интересовал Гертруду. Ревнивое тщеславие и жажда всеобщего восхищения были наихудшими проявлениями легкомыслия, которое сильно вредило ее от природы добродетельной натуре.

– Он очень забавный, – говорила Сесиль, – и совсем, совсем не такой, как все. Он никогда не делает комплиментов, зато отпускает странные замечания, понять которые совершенно невозможно. Тебе, милая, обязательно нужно его увидеть. Я вас познакомлю. У него темные волосы и голубые глаза – их выражение никогда не меняется. Одевается он с большим вкусом, но, кажется, будто сам не помнит, что надел. Думаю, сейчас он как раз в саду.

Как мы уже сказали, Гертруда улавливала лишь кусочки этого подробного описания, но последняя фраза пробудила в ней любопытство, едва ли не самую безудержную страсть ее натуры, и она с готовностью отозвалась:

– Так пойдем посмотрим на него!

– О нет, нет, – поспешно ответила Сесиль, тут же начав перечислять причины, по которым это сейчас совершенно невозможно, но ее прямодушная собеседница никак не могла взять в толк ее объяснения.

Если уж Гертруда загоралась чем-то, действовала она не в пример решительнее своей подруги: не удостоив ее ни единым словом, кинулась к двери и летящими шагами направилась к лестнице в сад. Там она вдруг остановилась как вкопанная, почувствовав прилив обиды и злости. Прямо перед ней на длинном бревне восседала, погрузившись в чтение, высокая и гибкая, почти змееподобная фигура с длинным лицом – ее недавний знакомец с набережной, который, как она тотчас же вспомнила, назвал себя кузеном семейства Флери.

Она ощутила внезапное и не вполне объяснимое раздражение. Девушка смутно чувствовала, что характер и повадки Сесиль не имеют ничего общего с этим угловатым и странным человеком. Тот уже вскочил на ноги, поспешно приветствуя ее, а Сесиль, поравнявшись с ними и приосанившись – она умела, когда нужно, выглядеть по-настоящему элегантно и даже царственно, – представила ей мистера Бэзила Хоу.

– Нам уже доводилось встречаться с мистером Хоу, – проговорила Гертруда с многозначительной улыбкой.

– В самом деле, доводилось, – очень серьезно ответил Хоу. – Надеюсь, с вами все благополучно?

– О да, – смеясь, отвечала Гертруда. – Надеюсь, мы сможем увидеть вас снова?

– В этом не может быть никаких сомнений, – сухо сказал Хоу. – Строго говоря, вы даже сможете рассмотреть меня достаточно подробно. И я рассчитываю показать себя в более дружественном свете, чем в тот раз, когда вам пришлось, по пословице, выбирать

между джентльменом из преисподней и морской пучиной. Но не отрываю ли я вас от важной беседы? – поспешно добавил он. – Сам я так ленив, что у меня почти ни на что не остается времени. Не хотите ли прогуляться по саду? Улитки в этом году просто восхитительны. Они так сообразительны и проворны, нам есть чему у них поучиться! Но вы, кажется, предпочитаете цветы, мисс Флери.

– О, я обожаю цветы, – мечтательно проговорила Сесиль, вкус которой, как у большинства глупых людей, не отличался притязательностью.

– Я и сам частенько так делаю, – невозмутимо ответил Хоу. – Но, если глаза меня не обманывают (а эта пара служит мне на удивление исправно), вот и сестры мисс Грэй, в обществе галстука, в чьих тесных объятиях я отчетливо различаю моего кузена Люсьена.

Худой и изможденный молодой человек в повязанном по последней парижской моде шейном платке и светло-сером костюме – правильные черты лица, бесцветные глаза, холодная ухмылка – сделал шаг вперед и протянул горсть пальцев Гертруде и Хоу. В первом случае пальцепожатие было встречено с детской стыдливостью, все еще довольно сильной в ее натуре, а во втором – с самой искренней сердечностью, всегда столь заметной в этом молодом человеке. Ни с кем, даже с Сесиль и Люсьеном в самых неприглядных их проявлениях, он не терял своего суховатого добродушия. В этот момент к ним подошли Кэтрин и Маргарет в компании тетушки, статной и величественной дамы шестидесяти лет с изысканной короной седых завитых волос, и все вместе были представлены сумрачному и обходительному юноше.

– Видите ли, – говорила Кэтрин, обращаясь к Хоу, – мы собирались на небольшую прогулку вдоль реки к Дартвудской лощине. И будем очень рады, – добавила она, движимая искренней сердечностью и благовоспитанностью, – если вы к нам присоединитесь. Вы же знаете Дартвудскую лощину, мистер Хоу?

– Там прошло мое детство, – с готовностью отвечал он, – и счастливейшие годы семейной жизни! Дартвудская лощина, ну конечно, – а кстати, где это?

– Примерно в трех милях вверх по реке, – с улыбкой отвечала Кэтрин. – Мы уже бывали там раньше.

– Я раньше никогда там не бывал, – отвечал Хоу, печально глядя вдаль, – но с величайшим удовольствием отправился бы туда снова. В самом деле очень любезно с вашей стороны, что вы спрашиваете меня об этом, особенно учитывая тот факт, что я не в силах пригласить вас на прогулку в свой собственный дом. Однако если вы скажете, в какой именно день вы думаете туда отправиться, возможно, я бы и сам его выбрал.

– Что ж, – сказала Кэтрин в своей обычной деловитой манере, – мы собирались послезавтра. После праздников на реке не таклюдно. Завтра не получится – у Гертруды урок пения... Да, Гертруда, ты должна пойти на урок... И будь так добра, избавь меня от своих “не хочу”... А потому, как видите, все будут свободны в субботу. Могли бы вы быть у нашего дома в десять, мистер Хоу?

– Конечно, мисс Грэй, – был ответ.

Незначительное замечание торопливой сестры пробудило в Гертруде настоящую бурю неутолимых и неизъяснимых переживаний из тех, что обратили ее детство в бесконечную череду безумных выходов. Она с яростью выжидала удобного случая, чтобы отомстить.

– И разумеется, – сказала она с торжествующей улыбкой, – Сесиль отправится вместе с нами.

Кэтрин нахмурилась, но спокойно выдержала испепеляющий взгляд своей сестры.

– Разумеется, – царственно ответила она.

– О, как чудно! Вы, должно быть, так рады, – воскликнула Гертруда, и ее глаза вспыхнули злорадством. Кэтрин, в душе которой под бдительным надзором ее железной воли,

светской выучки и всепобеждающей совестливости теплилась искра того же самого огня, резко развернувшись, сказала Хоу:

– Сейчас, пожалуй, нам пора домой. Так не забудьте: в десять часов! Доброго утра.

– Доброго утра, если вам угодно, – ответил он. – Не стану вас более задерживать, у вас ведь наверняка много ненужных дел, которые всегда отнимают столько времени. Со своей стороны, я должен вернуться к лежанию на траве, которое я так безответственно оставил. Доброго утра.

И поспешно приподняв свою большую черную шляпу, молодой человек размашистым шагом устремился прямо по газону, а все остальные направились в противоположную сторону. Но прежде чем они скрылись из виду, Хоу, обыкновенно столь независимый от любого общества, что, держась со всеми с искренней предупредительностью, никогда не искал продолжения завершенного разговора, быстро обернулся и посмотрел на компанию, с которой только что распрощался. На какое-то мгновение его взгляд задержался на легкой и прямой девичьей фигурке, увенчанной великолепным нимбом огненных волос, в мрачном одиночестве следовавшей за своим суматошным семейством.

Глава 4

Немного о смесях и взрыв

Легкая гребная лодка с безмятежной компанией на борту скользила среди блестящих на солнце речных отмелей, расчерченных тенями вязов и ив, где-то под Дартвудом. На сиденьях у кормы располагались четыре дамы, одна в летах и три молодые, две из которых, светловолосые, приходились друг другу сестрами, а темноволосая явно была гостьей. Третья из сестер сидела на веслах вместе с бледным улыбающимся молодым человеком, одетым во все белое, тогда как наш недавний знакомец, тонкий, с вытянутым и загорелым лицом, по-прежнему облаченный в свой всегдашний черный костюм, с замечательной ловкостью направлял лодку к берегу. В пяти футах от берега темная и прямая фигура внезапно дернулась и произвела невероятный прыжок, приземлившись на твердую почву и потянув за собой веревку.

– Я всегда полагал, что наилучший способ добиться устойчивости лодки, – заметил он с ученым видом, – это пришвартовать к ней берег. Тогда она будет вести себя очень смиренно. Разрешите вам помочь, мисс Грэй?

Но Кэтрин с сестрами самостоятельно и без малейших затруднений спрыгнули на берег, тогда как мисс Сесиль Флери, чтобы медленно и грациозно ступить на землю, потребовалась вся возможная помощь.

– Мне всегда так трудно выбираться на берег, – проворковала она, обращаясь к Хоу.

– Мне тоже, – ответил он, хотя эти слова, вызванные неизменной привычкой со всеми соглашаться, вопиющим образом контрастировали с только что произведенным маневром. – Куда проще выбираться в воду. Куда же мы направимся теперь, мисс Грэй? Наша жизнь и свобода в ваших руках. Скажите же свое веское слово!

– Ну, я думаю, – сказала Кэтрин, с готовностью принимая на себя ответственность, которую так учтиво возлагал на нее Хоу, – я думаю, сначала нам лучше отправиться к аббатству. Там есть гробница святого и интересные барельефы. А затем мы вернемся сюда и перекусим.

– Я подумал о том же самом, – живо подхватил Хоу, – сразу же, как только вы это предложили. В свое время я и сам был святым. – Это загадочное замечание заставило кое-кого из присутствующих тихонько рассмеяться. – Хотя могила всегда в нашем распоряжении, все же перекусить лучше после, вы правы. Поспешим же к гробнице, дабы немного развлечься. Есть ли там кости, мисс Грэй?

– Боюсь, что нет, – смеясь, ответила Кэтрин.

– Ну да, этого следовало ожидать, – вздохнул он с сожалением. – А то я был бы не прочь кое-что позаимствовать. Видите ли, сейчас я вынужден обходиться своими.

С этими словами он скромно отступил на шаг, завязав непринужденную беседу с Маргарет. Все его новые знакомые искренне, хоть и с некоторым недоумением, симпатизировали этому забавному молодому человеку, но Гертруда, в большей степени, чем сестры, склонная задумываться над своими чувствами, начинала удивленно присматриваться к отдельным чертам его характера. И вот что она заметила: при всей сухости и угрюмости он никоим образом не был молчалив и его никак нельзя было упрекнуть в нелюдимости. Он радовался обществу своих спутников и с удовольствием без умолку беседовал то с одним, то с другим в своей обычной сумасбродной манере. Едва ли не единственное из слышанных ею замечаний, в котором был хотя бы оттенок серьезной мысли, звучало примерно так: “Я не верю в Великих Молчальников. Если человеку в самом деле есть что сказать, нечто по-настоящему новое, важное или занятное, он естественным образом стремится избавиться от этого знания как можно скорее”. Всю дорогу до аббатства он осаждал слух то одного, то другого собеседника нелепыми рассуждениями, которые выглядели бы полнейшей чушью, возмись кто-

нибудь их записать, но исполнялись особой причудливой осмысленности в момент произнесения. Поскольку свойственная ему безудержная и беспристрастная обходительность сыграла свою роль в последовавшей вскоре драме, постараемся передать некоторые его реплики в виде кратких драматургических зарисовок.

Хоу (*поравнявшись с Маргарет*). Мисс Грэй, знаком ли вам пункт нашего назначения, или, осмелюсь даже сказать, всеобщего отдохновения, к которому мы держим путь?

Маргарет. О, да... Мы часто туда выбираемся... (*Со смехом.*) Но, как правило, все время забываем дорогу.

Хоу. Вот как. Думаю, вам стоило бы брать с собой ваш изящный сервиз и ужинать прямо на месте. А есть ли в этом аббатстве гид? Видите ли, я хотел бы просить вас о некоем одолжении... Если вы вдруг заметите, что я собираюсь его прихлопнуть (я часто поступаю подобным образом с экскурсоводами, это выходит как-то само собой), я был бы очень благодарен, если бы вы всего-навсего обратили на это мое внимание... знаете ли, как-нибудь напомнили мне. А если я все же невзначай изувечу его во владениях святого, вы могли бы пригласить его на наш пикник – не святого, разумеется, он-то уже отправился на тот Блаженный Пикник, где нет необходимости в провианте, а экскурсовода. Будьте так любезны, и я буду благословлять ваше имя до конца своих дней.

Маргарет (*лениво улыбаясь нелепости сказанного*). Хорошо, но не стоит начинать прямо сейчас. Благословения обычно такие длинные. Что же до приглашения гида на пикник... только представьте, какво слушать все эти утомительные рассказы об окне, пробитом нынешним герцогом, и вешалке для шляпы, сооруженной предыдущим, когда у вас на уме только апельсиновые дольки. Вы напоминаете мне сэра Роджера из Коверли.

Хоу. У нас были, некоторым образом, общие предки. Но вы же не станете обманывать меня (это цитата). Я знаю, какой абзац вы имеете в виду в записках человека, кого не прихоть, но суровый долг заставляет меня именовать "достоинным рыцарем". (*С этими словами Хоу продолжил декламировать длинный кусок из "Наблюдателя", к огромному удовольствию Маргарет, которая читала всего Аддисона³ и была от него в совершеннейшем восторге.*)

Маргарет (*с улыбкой*). У вас блестящая память, мистер Хоу.

Хоу (*пренебрежительно*). Да, довольно замечательная, не правда ли? Я потерял ее несколько лет тому назад. (*Оглядываясь по сторонам.*) Прошу прощения, мисс Грэй, что позволяю себе перейти на личности, но взгляните на вашу младшую сестру. Что с ней такое?

Маргарет (*с усталой улыбкой, в которой читалась снисхождеие*). Ах, этого никто из нас не знает, мистер Хоу.

В эту минуту Гертруда неслась за ними подобно дикому зверю. Ветер, девственная природа и лесные заросли всегда действовали на нее опьяняюще, и когда девушка приблизилась к ним нетвердыми шагами с охапкой диких цветов в руках и разметавшимися по плечам огненными волосами, она была очень похожа на исступленную дриаду. Увидев Хоу, она чуть заметно вздрогнула и застыла, впившись в него глазами. Он приблизился к ней так невозмутимо, будто встретил ее на светском приеме. За этим последовал довольно странный разговор.

Хоу. Мисс Грэй, позволите ли вы мне взглянуть на этот красный цветок? (*Она молча исполнила его просьбу.*) Благодарю вас. Честно говоря, я подумывал о том, чтобы приобрести

³ Джозеф Аддисон, английский публицист, поэт и драматург. В 1711–1712 и 1714 годах издавал салонный журнал "Наблюдатель" (The Spectator), одним из героев которого был персонаж по имени сэр Роджер из Коверли, сквайр времен правления королевы Анны, типичный провинциальный джентльмен, немного простоватый.

жилет именно такого цвета и покроя. Вполне невинная мысль, мне кажется. Смотрите-ка, у вас тут прекрасный образец дояркиного капора.

Гертруда (*она уже начинала разбираться в интонациях и фразах мистера Хоу, так что нечто в его голосе заставило ее проговорить с озорной улыбкой*). Думаю, этот цветок называется совсем не так.

Хоу (*заинтригованно*). В самом деле? И я так думаю. Но какие удивительно поэтические имена дают цветам сельские жители! Чего стоит хотя бы дикая двоюмужница – видите вон ту россыпь? – или викариева катапульта, украшающая наши английские лужайки. Уверяю вас, я, как тот мальчик из книжки, знаю все, что тут растет и щебечет.

Гертруда (*испытывая что-то вроде благодарности за его дружелюбное помешательство*). Что ж, скажите тогда, что это за цветок, вот здесь, под камнем?

Хоу: Ну как же! Его называют голубым иерусалимником. Считается, что, завидя его, лица духовного звания пускаются в пляс. По-ученому он зовется *Salem Geruleus*. Но вот и гробница, к которой мы направлялись. Не покажете ли вы мне барельефы?

Гертруда (*с готовностью, окончательно придя в себя*). О, разумеется. Пойдемте, они – с противоположной стороны.

– До чего же красивые тут места, – добавила она, подняв взгляд на своды полуразрушенного аббатства.

– Очень миленькое местечко, очень, – ответил молодой человек, – тут вам и резьба, и моя кухня Сесиль.

– Божественно, не правда ли, просто божественно! – услышались слова дамы в летах, когда компания приблизилась к гробнице.

– Мне тоже подумалось, что это довольно божественно, – заметил Хоу, поднимая брови. – Вообще, я убежден, можно пройти Харроуроуд от начала до конца и не найти ничего подобного. Ничего даже отдаленно похожего.

Сесиль выглядела озадаченной, а Гертруда чуть не давилась от смеха, когда они подошли к главному барельефу, изображающему мученичество святого Стефана в самой мрачной средневековой манере.

– Ну, разве это не прекрасно! – воскликнула Сесиль, в голосе которой слышалось благоговение.

– Нет! – отрезала Гертруда.

– Этот чудный барельеф не прекрасен? Гертруда, что ты говоришь! – возмутилась Сесиль.

– Не вижу здесь ровным счетом ничего хорошего, – сказала Гертруда с прямолинейной откровенностью. – Не понимаю, почему святой Стефан должен быть таким ужасно тощим и отталкивающим. Неужели, чтобы стать мучеником надо обязательно поджать ногу и склонить голову на плечо?

Живые люди никогда не принимают таких поз. Почему это должно мне нравиться? А тебе что в этом нравится, Сесиль?

Красивое лицо Сесиль помрачнело. Она закусила губу, вдруг отчетливо поняв, что этот барельеф ей тоже совершенно не нравится, и, тут же разозлившись и на себя и на свою подругу, резко проговорила:

– Я хотела бы знать, что скажет мистер Хоу.

Хоу некоторое время стоял молча, сосредоточенно разглядывая изображение, а затем начал так:

– Дело в том, что я и сам немного первомученик, – и тут же был прерван звонким и резким смехом Гертруды, ибо его совершенно бессмысленное, но при этом неотразимо смеш-

ное замечание сводило на нет сентиментальные ожидания высокомерной Сесиль. Однако та тотчас же парировала:

– Гертруда, будь добра, позволь мистеру Хоу закончить мысль.

– Я был бы благодарен мисс Грэй, если бы она помогла мне в этом непростом деле, – сказал Хоу, поспешно приходя ей на выручку. – Быть может, она вплела бы в мои рассуждения золотую нить здравомыслия, которого им, как правило, очень недостает. Что же до нашего гостеприимного хозяина, – продолжал он, кивнув на побиваемого камнями святого, но в то же время не сводя глаз с надувшейся от обиды Сесиль, – и трудностей религиозного характера, которые ему здесь досаждают, должен сказать, что барельеф кажется мне очень хорошим – утверждение, которое я могу себе позволить со всем авторитетом человека, не понимающего в этом ровным счетом ничего. И я очень обязан всем вам за то, что вы привели меня сюда.

Это суждение было высказано со свойственным мистеру Хоу старанием угодить всем присутствующим, и, тем не менее, Сесиль торжествовала победу. Воспользовавшись тем, что Хоу отвлекся на минуту, чтобы выполнить какую-то просьбу Кэтрин, она сказала Гертруде:

– Надо заметить, мистер Хоу очень хорошо разбирается в этих вещах.

Все было сказано совершенно невинным тоном, но на ее губах блеснула язвительная улыбка, и Гертруда поняла намек.

– Что ж, – бросила она, мгновенно выйдя из себя, – раз мистер Хоу так невероятно умен, иди и разговаривай с ним, а не со мной. Я же дуручка. Мне этого не понять. Нет, никак не понять: по-моему, это совершеннейшее уродство. И запомни вот что: никакой посторонний человек никогда не заставил бы меня говорить с тобой так, как говорила со мной ты, когда еще была моей подругой. А теперь уходи и оставь меня в покое.

Сказав это, Гертруда бросилась вон, стараясь не смотреть на ни в чем не повинного Хоу и его сентиментальную кузину. Она пребывала в сильнейшем замешательстве. Сесиль, при всех ее недостатках, была главным козырем Гертруды, ведь с ее помощью она изводила собственных сестер и всех окружающих, бравируя этой дружбой, которую давно следовало бы разорвать. Но вдруг эта единственная привязанность, эта компрометирующая ее связь, которой она оставалась верна наперекор всем, кто искренне о ней заботился, подвела ее и теперь смеется над нею вместе с этим долговязым клоуном. Сердце девушки бешено колотилось, когда она мрачно пересекла кольцо гостей, поглощенных приготовлениями к трапезе.

– Послушай, Гертруда, помоги нам, пожалуйста, хоть немного, – Кэтрин сказала это строго, но без намеренной грубости. – Передай мне кувшин.

Гертруда едва заметно топнула ногой, ее глаза прищурились, а губы плотно сжались, выдавая вдруг поднявшееся в ней раздражение.

– Гертруда, – с негодованием повторила Кэтрин, – ты слышала, о чем я тебя попросила?

Но Гертруда замерла с кувшином в руке, уставившись в пространство со странной улыбкой, а в глазах у нее уже вспыхнул пугающий огонек, всегда предвещавший взрыв.

– Гертруда, – вскричала Кэтрин, – ты что, оглохла? – и протянула к ней руку. Гертруде же показалось, что та хочет толкнуть ее, и, в тот самый миг, когда Маргарет с готовностью поднялась, чтобы передать кувшин, младшая из девушек, ослепленная яростью, решила, что сестры задумали на нее напасть. С нечленораздельным криком она отпрянула, резко выбросив руку вперед. Нечто с шумом мелькнуло в воздухе, и на Кэтрин дождем просыпались мелкие осколки кувшина, разбившегося о дерево прямо у нее за спиной.

– Гертруда! – сказала бледная от страха Кэтрин, поднимаясь на ноги и глядя на сестру. Та в ответ издевательски расхохоталась и бросилась в густые заросли. Еще некоторое время было слышно, как она, словно одержимая, продирается сквозь чащу, затем все стихло.

Глава 5

Приключения гребной лодки

– Мистер Флери, – примерно через полчаса после исчезновения Гертруды проговорила Кэтрин Грэй, ухаживая за гостями, – не желаете ли еще лимонада?

Люсьен, повернувшись к ней с вялой, но сердечной улыбкой, собрался было протянуть свой бокал, когда сверху в него что-то упало. Это были первые капли дождя.

– Боги ответили, – сказала Маргарет с той улыбкой, с какой девицы обыкновенно цитируют Теннисона⁴.

– Что за трезвенники эти боги, – добавил Хоу.

– Как думаете, это надолго? – спросила его Кэтрин.

– Нет, я думаю, это навсегда, – ответил Хоу, совершенно не представляя, что имеет в виду – Сказать по правде (для разнообразия неплохо иногда говорить правду), дождь мочит всех тварей земных по роду их – без исключения. Полагаю, вам лучше спрятаться под навес: чтобы созерцать буйство стихии, нужна хотя бы такая дистанция. У вас есть зонты?

– Да, – ответила Кэтрин. – Мы с Маргарет возьмем этот, а мисс Флери может воспользоваться зонтом Гертруды. Надеюсь, эта сумасбродка сообразит спрятаться от дождя на станции; она ведь туда отправилась. Полагаю, нам тоже придется идти домой этим путем. А у вас есть зонт, мистер Хоу?

– У меня нет зонта. Мой зонт – вселенная, – очень серьезно ответил Хоу. – Что ж, это хороший опыт, как обыкновенно говорят, когда имеют в виду что-нибудь невыносимо отвратительное.

Не успел он закончить фразу, а капли дождя уже заплясали на трепетавшей под ними листве, и вода блестящими ручейками заструилась с полей его шляпы сначала на дерзко выступающий нос, затем на плащ, однако неистовство стихии, казалось, ничуть не омрачило ясный взгляд его холодных голубых глаз.

– Надеюсь, дождь вам не досаждает? – проговорил он. – Могу ли я быть чем-нибудь полезен? Я с ранних лет задаюсь этим вопросом, “предполагая отрицательный ответ” – как сказано в учебнике Арнольда⁵.

– Не думаю, что нам имеет смысл оставаться здесь, – возразила Кэтрин. – Лучше поспешим к станции, чтобы как можно быстрее добраться домой.

– Но ведь такой сильный дождь, – с тревогой заметила ее тетя.

– Здесь мы точно так же вымокнем, – ответила племянница.

Тетя больше ничего не сказала, ибо кротость в соединении с некоторым налетом светскости всегда заставляли ее отступать перед хозяйской решительностью племянницы. Кэтрин, которая, как правило, не забывала взглянуть на проблему с разных сторон, вдруг добавила: – Но что же делать с лодкой?

– Нельзя ли найти где-нибудь крытый причал? – спросил Люсьен.

– На несколько миль вокруг нет ничего подобного, – уверенно проговорила Кэтрин. – Боюсь, нам придется отправиться на ней домой по реке.

– На вашем месте я не решился бы отправиться на ней даже по суше, – робко заметил Хоу. – Я как раз собирался предложить свою помощь, а потом позабыл: мне не составит никакого труда отогнать старую добрую каравеллу в ее уютное гнездышко, пока вы будете

⁴ Цитата из стихотворения Теннисона “Жертва” (*The Victim*).

⁵ Имеется в виду очень популярный на протяжении XIX века учебник Томаса Арнольда *Latin Prose Composition*, вышедший первым изданием в 1839 году и переиздающийся до сих пор. Отрицательный ответ предполагает вопросительная частица *nonne* – “разве не”.

трястись по железной дороге. В этом случае я советовал бы вам поскорее идти в противоположном направлении – на станцию. Так что же, все готовы?

– О, мистер Хоу, – сказала Кэтрин, взглянув на него, – это так любезно с вашей стороны.

– Будет еще любезнее, если вы позволите мне отправиться своей дорогой, – поспешно заметил он. – Будьте добры, Люсьен, передайте мне вон ту корзину. Здесь довольно сыро, вы не находите?

Ощетинившись зонтами, пестрая компания вступила под ревущие потоки дождя. Управляли движением этой невеселой процессии, торопливо обмениваясь односложными репликами, два члена группы – старшая из девушек, спешащая через лужи и грязь во главе шеренги, и замыкавший ее длинноногий молодой человек с вороньим лицом и высоко поднятым воротником. Ветер и ливень неистовствовали изо всех сил, так что временами наши естествоиспытатели почти не слышали друг друга. И лишь однажды между порывами ветра, когда сплошная пелена воды чуть поредела, Маргарет разобрала слова, слетевшие с тонких губ Хоу: “Однако небо совсем затянуло, похоже, дождя не миновать”.

Вскоре Бэзил Хоу уже шагал назад по направлению к реке, оставив своих новых друзей на станции. Несмотря на вечно насупленные брови, он вовсе не был пессимистом и все же невольно задумался о природе вещей, когда в тот самый момент, как его спутники исчезли из виду, дождь стал слабее и выглянуло солнце, разрывая тучи на лоскутки и отгоняя их вместе с непогодой к самому горизонту. Он двигался молча и только с шипением насвистывал сквозь зубы, и наконец, выбравшись на берег реки, легко и стремительно приблизился к узловатой нахохлившейся иве, под которой рвалась с привязи лодка.

– Какие, однако же, милые люди, – пробормотал он, ухватившись за дерево и перебираясь в раскачивающуюся посудину. – Совсем не ждут от собеседника блестящего ума.

Он начал поспешно распределять балласт и легкую поклажу, наклоняясь к днищу лодки, и после нескольких минут молчания снова заметил: “Удивительно милые. Никогда не думал, что познакомлюсь с такими милыми людьми”. Сказав это, он продолжил возиться со снаряжением. Погруженный в это занятие, он услышал, как на поросшем деревьями склоне хрустнула ветка, и поднял голову. На берегу в тени величественных сосен стояла погруженная в живописную печаль девушка в разорванном ветками платье; ее глаза, влажные от слез, сверкали сквозь разметавшиеся пряди огненно-рыжих волос. Это была Гертруда после двух часов блужданий в зарослях шиповника. За эти два часа она прошла все ступени доступного для человека отчаяния, то терзаясь яростными приступами презрения ко всем и каждому, то упиваясь сознанием оскорбленной добродетели, то рассыпая ядовитые упреки, то мучаясь от жалости к себе и душевной жажды. Бледная и опустошенная, она вышла к реке и обнаружила у берега Бэзила Хоу, который весело и сосредоточенно насвистывал себе под нос, готовя лодку к отплытию.

– О, мисс Грэй! – воскликнул он, заметив одинокую фигуру на склоне. – Так вы не отправились домой поездом! Простите мою навязчивость, но не позволите ли помочь вам спуститься? Отчего же вы не последовали за вашими сестрами?

Гертруда была не на шутку измотана и с радостью отозвалась бы на веселые нелепости Хоу, но, как все обиженные люди (а состояние это довольно заурядно), она сочла, что слишком легко сдать позиции будет ниже ее достоинства, а потому, отвернувшись и пиная ствол дерева, сказала:

– Я с ними не встретилась.

– О, вам обязательно надо встретиться, я это устрою, – оживленно отозвался Хоу. – Это такие интересные люди! И потом...

Голова и спина Гертруды дрогнули, и было слышно, что она не может сдержать смех. Хоу продолжал плавно и спокойно:

– В любом случае вам лучше войти в лодку, если, конечно, вы не предпочитаете идти на буксире. Могу я вам помочь? – и он протянул ей руку.

Внезапное любопытство подтолкнуло Гертруду ему навстречу, и она сказала, подняв глаза:

– Значит, вы отведете лодку домой?

– Не уверен, – отвечал он. – Скорее это она отвезет меня. Подозреваю, мы будем везти друг друга по очереди, как человек и осел. Под человеком я понимаю лодку, конечно же. Думаю, – добавил он, отталкивая лодку от берега, – нам стоит действовать, как подобает подлинным мореходам. А потому должен попросить, если вас это не затруднит, отставить разговоры и свистать наверх всех, кого послало нам Провидение. Если это не слишком противоречит вашим планам, было бы неплохо, насколько это возможно, травить помалу. Сам я периодически травлю, и обычно как раз помалу. Страшно подумать, как часто я этим занимаюсь...

Так, болтая о чем попало, лишь бы спутница не заметила, что к ней вернулась ее прежняя веселость, он предоставил лодке двигаться по течению, пока наконец не смог взяться за весла. Повисла небольшая пауза, и они сидели, в молчании глядя друг на друга. Гертруда видела перед собой темную сухопарую фигуру, мрачную и настороженную, точно хищная птица, на фоне сверкающих отмелей и гаснущего заката, а Хоу – диковатую девушку с разгоряченным лицом, залитым теплым светом заходящего солнца. Гертруда сидела, наполовину свесившись через борт лодки. Он с удивлением заметил, какой тонкой и хрупкой она была. Трудно было представить себе более разительный контраст, глядя на эту бойкую и странную дикарку с ее стихийными порывами и неистовым самолюбием и ее спутника, строгого, спокойного, элегантного молодого человека, примечательного разве что сдержанным дружелюбием и странноватым чувством юмора. Но они были похожи тем, что оба таили в себе загадку, и никто до сих пор не подобрал ключ к их подлинной натуре. Даже сидя в лодке, они продолжали приглядываться друг к другу.

Когда они двинулись по течению реки, Гертруда наконец сказала:

– По-моему, это очень любезно с вашей стороны, мистер Хоу, отвести лодку домой.

– Как я уже отметил, – сказал он, подворачивая манжеты, – это любезно скорее с ее стороны.

Он взялся за весла и стал орудовать ими в блекнущем свете угасающего дня. После минутного молчания Гертруда заговорила снова, задумчиво, но по-прежнему резко:

– Что вы думаете о мистере Флери, мистер Хоу?

В ее вопросе слышалось любопытство, но обращено оно было не на Люсьена, а на ее собеседника. Он ответил не задумываясь:

– Наш кузен из Флери – средоточие множества ослепительных добродетелей. Единственное, что меня в нем расстраивает, так это его совершеннейшая бесхребетность: поднимите его руку, задайте ей определенное положение, и она послушается вас, а стоит вам ее уронить, все придется проделывать заново. Разве возможно всерьез иметь дело с человеком, который настолько не в ладах с самим собой? По отдельности все в нем мило, а в целом не соберешь.

Это было далеко не все, что раздражало рассудочного до мозга костей Хоу в Люсьене и его сестре, но большего он и не собирался никому рассказывать. Он не испытывал священной дрожи пророка, обличающего людские пороки, и не хотел изображать ничего подобного. Кузена с кузиной он видел насквозь, знал, что они слабые, эгоистичные люди, лишённые прочных убеждений, и все же любил их, всеми силами развлекал и ни в коем случае не желал бы причинить им боль. Можно считать это милосердием, дружелюбием или язычеством, но таким уж он был человеком.

– А Сесиль вам нравится, мистер Хоу? – полюбопытствовала Гертруда.

– Видите ли, она моя кузина, а потому я мало ее знаю. Но я заметил, что вы с ней дружны, и я не могу сомневаться, что она на верном пути. Иногда она кажется мне взбалмошной и, быть может, не слишком скромной, но она по-своему восприимчива к прекрасному. То же можно сказать и о Люсьене, а он ведь даже играет в футбол. Но я думаю, в одном отношении Сесиль определенно повезло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.